

Пока он отдыхал, его мысли блуждали. Он попытался вспомнить, где находится и как сюда попал. Это было трудно, потому что после еще одного быстрого взгляда вокруг он понял, что ничто из увиденного не вызывало никаких воспоминаний. Что он знал наверняка, так это то, что он определенно не был на базе 21, в его доме. Он знал это наверняка, потому что на протяжении многих лет между сражениями и тренировками и частыми общими стычками он проводил много времени, подлпатанный медицинским персоналом своей замечательной базы.

Он увидел то, что показалось ему беспорядком, разбросанным по всей комнате. Проржавевший старый антиквариат, которому, честно говоря, не было никакого дела до таких раненых, как он, окружал его, а к стенам были прикреплены обветшалые светильники, которые выглядели так, будто им было по меньшей мере столетие. Это было странное место, и он чувствовал себя неуютно. Он отбросил мысль о том, чтобы выяснить, где он находится, и продолжил искать в своем сознании последнее воспоминание, которое смог найти.

- Пещеры, - вспомнил он что-то, и его скрипучий голос пробормотал эту мысль вслух. Хотя он закрыл глаза, чтобы не отвлекаться, в этот момент он полностью проснулся.

- Пещеры Излаакси! это воспоминание быстро сложилось в его сознании.

Он услышал смех и общие звуки, которые можно было ожидать от лагеря. Лезвия скребли по точильным камням, пули были заряжены в магазины и револьверные цилиндры... Огонь горел и освещал стены пещеры; он вдруг почувствовал запах дыма и услышал треск дров. Его дорогая подруга Элия положила голову на его незащищенное плечо, и он поделился бутылкой вина с Алеком, своим братом по оружию.

Вся троица болтала, смеялась и шутила... Ну, Алек и Элия пошутили. Криннан в основном дулся, сидя и ожидая своей очереди на патрулирование. Он вспомнил, что хотел сначала поесть, а потом поспать.

Он вспомнил темноту, которая окружила его, когда он отделился от своей патрульной команды и отважился отправиться в Белхааси Вилд в одиночку. Он вспомнил, что оставил свои доспехи в пещерах и взял с собой только меч и револьверы. Он знал, что никаких неприятностей не будет, и не хотел утруждать себя лишним весом.

Высокие деревья над ним скрывались под покровом тени, и только слабый зеленый свет луны указывал ему путь. Листья и ветки хрустели под его сапогами, и он курил сигарету, пока шел по древнему лесу с фонариком. Он ворчливо проклинал своего капитана за то, что тот послал его; они оба знали, что в округе нет врагов.

Он вспомнил, что слышал, как животные шныряли по кустам, и видел, как вокруг него сверкали молниеносные жуки. Его работа состояла в том, чтобы патрулировать в течение часа, и когда он закончил, ему пришлось послать Алека, чтобы подменить его. В это время с ним были еще двое солдат, но они патрулировали другой район. Он был один. Он думал, что это будет легко, скучно, но вдруг услышал что-то, что разрушило эту идею.

Рычание и быстрый шепот доносились со всех сторон. Звуки, казалось, окружали его, и он вдруг почувствовал запах, напоминающий запах разлагающейся плоти. Он не волновался, он знал, что он лучший. С тем, что его окружало, он мог справиться.

Когда он небрежно отбросил сигарету в сторону и расстегнул кобуру для одного из своих револьверов, он вспомнил внезапную и удивительную боль, когда что-то ударило его сзади и опрокинуло на живот. Он быстро перекатился на спину, чтобы найти своего врага; как раз вовремя, чтобы увидеть, как острое копьё вонзилось в землю рядом с ним.

Он вспомнил, что это неуклюжее существо было всего лишь силуэтом в лунном свете. От удара он выронил фонарик и увидел лишь сутулого мускулистого зверя. Он жадно зарычал и издал гортанный смешок, когда его жертва отчаянно попыталась вытащить оружие.

Он почувствовал, как копье, вонзившееся в землю всего несколько мгновений назад, внезапно и сильно пронзило его живот. Он вспомнил, как закричал, когда нападавший вывернул оружие и рассмеялся. Поворот, за которым последовал внезапный рывок, заставил наконецник копья пронзить его тело, пока он не разорвал его правый бок, оставив его живот широко открытым и истекающим кровью.

- Возьми его, - вспомнил он глубокий и пугающий голос, - он смотрит... вкусный. Сразу же после этого что-то твердое ударило его по голове, и он больше ничего не помнил.

Он посмотрел вниз на свое обнаженное тело и увидел длинный розовый шрам, который начинался чуть выше пупка и, казалось, охватывал всю спину. Он задумался, какого рода магию пришлось применить, чтобы залечить такую рану за то время, которое, как ему казалось, прошло, и вздохнул. Интересно, какое несчастье постигло его?

Глядя на огни над головой, он боялся за себя. Он не знал, где находится и находится ли он в компании друзей или врагов. Он точно знал, что находится не на базе Черного Рыцаря. Он был более уверен, что каким-то образом оказался пленником Говианской империи. Одной мысли о том, что он находится в их власти, было достаточно, чтобы заставить его содрогнуться.

Двадцать три года — это все, что у него было. Двадцать три года я жил, дышал, ел, пил, трахался, дрался, а потом все это выкинул обратно. Он тяжело вздохнул, чувствуя, что, хотя двадцать три года — это больше, чем у многих людей есть возможность жить в его мире, этого ему просто не хватило. Он хотел сделать гораздо больше, еще больше почувствовать. Он горевал о тех мгновениях, которые еще не прожил, о тех самых мгновениях, которые, как ему казалось, похитители отняли у него.

Звук шагов заставил его замолчать. Он заставил себя выпрямиться и уставился на потрескавшуюся белую деревянную дверь в стене в десяти футах от кровати. Он знал, что попал в ловушку проклятой трубки, свисающей с его члена, и издал разочарованный рык, отчаянно планируя побег.

Его адреналин подскочил, и это, возможно, неразумно, придало ему уверенности. Он был безоружен; он знал, что должен изменить это. Его учили убивать, он мог использовать все, что угодно. Он мог бы туго скрутить простыню, чтобы использовать ее как дубинку, он мог бы вырвать одну из трубок, идущих от его руки, из устройства, к которому она была прикреплена, и использовать ее как хлыст, черт возьми, он задушил бы своих врагов своим проклятым катетером, если бы ему пришлось. Он быстро принялся решать, что делать дальше.

У него было всего несколько мгновений, чтобы подготовить свой план, едва ли достаточно времени, чтобы даже подумать. Наконец его взгляд наткнулся на ржавую тележку с левой стороны кровати, на которой лежал набор окровавленных инструментов. Он быстро схватил старые ножницы и попытался разрезать катетер, но, к сожалению, либо ножницы были слишком тупыми, либо трубка была слишком толстой. Звук шагов прекратился, и дверная ручка задребезжала. Он отбросил трубку, держа ножницы перед собой, и приготовился.